

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018925-3

Корень $*d^heh_1$ - ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и италийских языках (на индоевропейском фоне)

© 2022 г. К. Г. Красухин

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий сектором Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Б. Кисловский пер, д. 1/12, стр. 1
krasukh@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается развитие корня $*d^heh_1$ - по преимуществу в древнегреческом и италийских языках: именно здесь данный корень, как и некоторые другие с ларингальным аусплаутом, образует глагольную основу с формантом $*-k$, происхождение которой до сих пор вызывает дискуссии. Вероятно, этот элемент возник на стыке двух ларингалов в послеударной позиции и, таким образом, характеризовал “сильную” форму перфекта. В древнегреческом этот глайд был распространён и на аорист, тоже стал характеризовать сильные формы (действительного залога ед.ч.). В некоторых других корнях с ларингалом он полностью сформировал глагольную основу. В италийских языках возникший таким образом суффикс $*-k$ - стал основой претерита с полной ступенью, от которого образовался активный презенс с 0 ступенью и суффиксом $*-io-$, затем глагол состояния с суффиксом $*-ē-$. Следы такого же морфологического процесса обнаруживаются и в германском; основы на $-k$ - в корнях на ларингал — также и в тохарских языках. Следовательно, в позднеиндоевропейском имел место фонетический процесс, приведший к возникновению в некоторых ветвях глайда; он оказался втянут в морфологические оппозиции, также рассмотренные в работе. Подчёркнута морфологическая и семантическая архаичность корня.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, морфология, индоевропейский глагол, ларингал, аблаут.

Для цитирования: Красухин К.Г. Корень $*d^heh_1$ - ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и италийских языках (на индоевропейском фоне) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31857/S160578800018925-3

The Root $*d^heh_1$ - ‘Put, Pose; Make, Act’ in Old Greek and Italic on the Indo-European Background

© 2022 Konstantin G. Krasukhin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Head of department at the
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1/12, build.1 B. Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
krasukh@mail.ru

Abstract. The development of root $*d^heh_1$ - is considered, previously in Greek and Italic. This root, as also some other with laryngeal auslaut, is developed into a stem with auslaut $*-k$ -, whose origin is disputable. Probably, it appeared as a glide, a result connection of two laryngeals (in 1 Sg. perfect), and originally characterized its “strong” forms. This glide is spread on the stem of aorist, and became a marker of active singular. In some other roots it spread on the whole verbal paradigm in all tenses. The verbal stem in Italic is formed with this $*-k$ - — the variant with full grade in preterit, and derived present with zero grade and suffix $*-io-$; then a stative verb with suffix $-ē-$. Traces of the same morphological process are attested also in

Germanic language; in Tocharian languages there are stems with *-k-*, what replaces an old laryngeal. The morphological and semantic archaisms of the root **d^heh₁-* is argued.

Key words: etymology, reconstruction, morphology, Indo-European verb, laryngeal, ablaut.

For citation: Krasukhin, K.G. *Koren' *d^heh₁- 'stavit', polagat'; delat'' v grecheskom i italijskih yazykah (na indoevropejskom fone)* [The Root **d^heh₁-* 'Put, Pose; Make, Act' in Old Greek and Italic on the Indo-European Background]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 37–50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018925-3

Корень **d^hē* (**d^heh₁-*) относится к числу наиболее распространённых в индоевропейских языках. Он образует глагол, формирующий различные типы презенсов (тематические и атематические) аористов и перфектов. Его значение позволяет проследить развитие от конкретного, вещного действия к абстрактному: “ставить” (ц.-слав. *дѣти*, хетт. *tehhi*) → “устанавливать, утверждать” (греч. *τίθημι*, др.-инд. *dádhāti*) → “делать” (лат. *facere*) и “говорить” (ц.-слав. *дѣ*, хетт. *temi*). Ряд его дериватов имеет необычные форманты, происхождение которых не до конца прояснено. Мы предпримем попытку показать, что это связано с взаимодействием фонетических и морфологических процессов.

1. Греческие глагольные основы от корня **d^heh₁-* и иные корни аналогичной структуры.

Греческие формы довольно однотипны: редуцированный презенс *τίθημι* / *τίθεμαι*; корневой аорист *ἔθηκα* (беот. *ἀνέθε*) / *ἔθεμεν* / *ἔθεμεν* / *ἔτέθη*; стандартный перфект *τέθηκα* / *τέθεμαι*. Беотийская форма репрезентирует самый древний корневой аорист, сохранившийся также в др.-инд. *ádhāt*, а также в ц.-слав. *дѣ*. Но он был вытеснен формой на *-к-*, как и у других глаголов этого же класса: *ἔδωκα*, *ἤκα*.

Вопрос о происхождении *-к-* до сих пор дискуссионный (наши соображения ниже). Но он встречается только в сильных формах глаголов на ларингал: аорист *ἔδωκα*, *ἤκα*; перфект *δέδωκα*, *εἶκα*.

Распределение суффикса в корне представлено в таблице, где учтены презенс и различные корни аориста.

Таблица 1:

Презенс	Активный аорист	Медиальный аорист	Пассивный аорист	Конъюнктив	Оптим	Императив
<i>τίθημι</i>	<i>ἔθηκα</i>	<i>ἔθετο</i>	<i>ἔτέθη</i>	<i>θη</i>	<i>θειν</i>	<i>θέε</i>
<i>δίδομι</i>	<i>ἔδωκα</i>	<i>ἔδοτο</i>	<i>ἔδόθη</i>	<i>δω</i>	<i>δοίην</i>	<i>δόε</i>
<i>ἵημι</i>	<i>ἤκα</i>	<i>εἶτο</i>		<i>ῶ</i>	<i>εἶην</i>	<i>ἕε</i>

Иными словами, формант *-к-* появляется только в исконно баритонных формах. Можно было бы предположить, что он появился благодаря взаимодействию ларингала с иными звуками в позиции непосредственно после ударного слога, например, со слоговым сонантом. Однако обращает на себя внимание, что сходный по структуре глагол *ἵστημι* этого суффикса не имеет. Сам корень, очевидно, был непереходен; в греческом переходен редуцирующий презенс (в латинском он может быть и переходным, и непереходным: *stare* ‘стоять’ — *sistere* ‘ставить’ и ‘останавливаться’); от этого корня образуется переходный аорист с сигматическим суффиксом *ἔστησα* ‘я поставил’ и корневой непереходный *ἔστην* ‘я (в)стал’. Такое же распределение основ в аористе обнаруживает глагол *βαίνω* / **βίβημι* / *βίβάω* ‘приходить’, где при непереходном презенсе¹ сигматический аорист *ἔβησα* ‘я отправил’ переходен, корневой *ἔβην* ‘я пришёл’ непереходен. Другие глаголы этого класса тоже не обнаруживают следов суффикса *-к-* в аористе: *πίμπλημι* ‘наполнять’ — переходный сигматический аорист *ἔπλησα* ‘я наполнил’ — непереходный медий *ἔπλητο* ‘наполнился’; от *πίμπλημι* ‘жечь’ образуется переходный аорист *ἔπερσα*; непереходное значение выражается пассивным аористом *ἐπέρησθη* ‘сгорел, был сожжён’. Следовательно, фонетика не благоприятствовала развиваться форманту *-к-* именно в аористе. Тем более в презенсе *ἤκω* ‘прибыть, прийти; напасть, настигнуть; достигнуть’ наличие суффикса вообще нельзя объяснить чисто фонетически: тематические основы обычно устойчивы. Этот глагол явно произведен от аориста *ἤκα*. Его значение можно охарактеризовать как терминативное: результатив по отношению к *ἵημι* с оттенком стремления к достижению определённого состояния. Он может быть переходным и непереходным.

С другой стороны, формант *-к-* встречается и в перфекте названных глаголов тоже только в так называемых сильных формах, т.е. презенсе индикатива актива, подразумевающим баритонезу:

¹ Переходен другой редуцированный презенс — *βιβάζω* ‘поднимать’.

$\tau\acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\alpha$ – $\tau\acute{\epsilon}\theta\epsilon\mu\alpha\iota$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha$ – $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\acute{\iota}\kappa\alpha$ – $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$. В отличие от аористов, формант $-к-$ обязателен во всех “сильных” формах корней на $-H-$. Этот аффикс появился, очевидно, на стыке двух ларингалов: $*(d^h e)d^h \acute{e}h_1-h_2e > -\theta\eta\kappa\alpha$; $*(de)doh_3-h_2e > -\delta\omega\kappa\alpha$; $*(ie-)ieh_1-h_2e > \epsilon\acute{\iota}\kappa\alpha$. В корне $\sigma\tau\eta-$ / $\sigma\tau\alpha$ он тоже появляется: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha < *se-steh_2-h_2e$, ср. и ещё один непреходный глагол, образующий презенс по данному типу: $\beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ / $\beta\acute{\iota}\beta\eta\mu\iota$ ($\beta\iota\beta\acute{\alpha}\omega$) ‘приходить’ – $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\kappa\alpha$ ($< *g^h e h_2-h_2$), мн.ч. у Гомера $\beta\epsilon\beta\acute{\alpha}\alpha\sigma\iota$. Существует также редкая форма (Гипонакт, поздние авторы) $\pi\acute{\epsilon}\pi\rho\eta\kappa\alpha$ при меди $\pi\acute{\epsilon}\pi\rho\eta\sigma\mu\alpha\iota$. Наконец, формант $-к-$ появляется у перфектов с основой на ларингал, чей корень репрезентирует состояние II по Бенвенисту: $\tau\acute{\epsilon}\tau\mu\eta\kappa\alpha$ ‘я отрезал’ ($*-tmeh_2-h_2$), $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\eta\kappa\alpha$ ‘я бросил’ ($*-g^h leh_2-h_2$), $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\mu\eta\kappa\alpha$ ‘я устал’ ($*-kmeh_2-h_2$). Так что можно считать этот закон достаточно всеобъемлющим: на стыке ларингалов в позиции после ударения появляется глайд $-к-$. В перфекте он в корнях на ларингал регулярен: помимо указанных форм – $\tau\acute{\epsilon}\tau\lambda\eta\kappa\alpha$ ‘я вынес’. У Гомера суффикс встречается только в сильных формах, ср. 1 л. мн.ч. $\tau\acute{\epsilon}\tau\lambda\alpha\mu\epsilon\nu$, 2 л. $\epsilon\sigma\tau\alpha\tau\epsilon$, 3 л. $\beta\epsilon\beta\acute{\alpha}\alpha\sigma\iota$. Сюда же можно отнести перфект глагола $\pi\acute{\iota}\nu\omega$ ‘пить’ – $\pi\acute{\epsilon}\pi\omega\kappa\alpha$ (при меди $\pi\acute{\epsilon}\pi\omicron\mu\alpha\iota$: $*-roh_3-h_2e$ / $*ph_3-h_2\acute{e}$). Далее аффикс распространился и на дифтонгические корни: $\delta\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$ ‘бояться’ – $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\iota\kappa\alpha$ (при наличии не только слабых форм $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\iota\mu\epsilon\nu$, но и ед.ч. $\delta\epsilon\acute{\iota}\delta\iota\alpha^2$). Затем этот суффикс внедрился и в перфекты от иных корней, появившись в “сильных” формах, в послегомеровскую эпоху обобщившись на всю парадигму. В некоторых случаях такой поздний перфект с $-к-$ имеет переходное значение: $\delta\acute{\lambda}\omega\lambda\epsilon\kappa\alpha$ ‘я погубил’ – $\delta\acute{\lambda}\omega\lambda\alpha$ ‘я погиб’ (презенс $\delta\acute{\lambda}\lambda\upsilon\mu\iota$); $\acute{\epsilon}\phi\theta\alpha\rho\kappa\alpha$ ‘я разрушил’ – $\acute{\epsilon}\phi\theta\alpha\rho\alpha$ ‘я разрушен’ ($\phi\theta\acute{\epsilon}\rho\omega$), $\acute{\epsilon}\gamma\rho\acute{\eta}\gamma\omicron\rho\alpha$ ‘я проснулся’ – $\acute{\epsilon}\gamma\rho\acute{\eta}\gamma\epsilon\rho\kappa\alpha$ ‘я разбудил’ ($\acute{\epsilon}\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega$), $\pi\acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\delta\alpha$ ‘я убеждён’ – $\pi\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\kappa\alpha$ ‘я убедил’ ($\pi\acute{\epsilon}\acute{\iota}\delta\omega$) [2, с. 400].

Существуют и ограничения на возникновение глайда $-к-$: если в слогe, содержащем сонант и ларингал, гласный стоит перед сонантом, – он не появляется: $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\omicron\nu\alpha$ ‘я появился, стал’ ($*-gonh_1-h_2$). По-видимому, этот перфект более архаичен, ср. др.-инд. $jaj\acute{a}na$ ‘родился’, гот. $kann$ ‘может’. Важно, что в период, когда от греческих корней образовывался перфект второго типа, фонетический закон действовал. Надо полагать, что именно приведённые формы стали базой, на которой сформировался стандартный перфект типа $\lambda\acute{\upsilon}\omega$ ‘развязывать’ – $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\kappa\alpha$. Для аористов же этот

формант, как мы убедились, не универсален. Он явно заимствован из перфекта.

Эдгар Стёртевант [3] первым предположил, что суффикс $-к-$ возник чисто по фонетической причине, на стыке двух ларингалов. Его наличие в аористе исследователь объясняет взаимодействием обеих грамматических категорий: латинское окончание 2 л. ед.ч. перфекта $-isti$ – контаминация аориста и перфекта, как и германское $-st$. Но и в тех языках, где основы аориста и перфекта различались, тоже имело место взаимопроникновение флексий: 3 л. мн.ч. $-ur$ в древнеиндийском, перфектное по происхождению, проникло в парадигму аориста; греческое $\acute{\epsilon}\phi\eta\sigma\theta\alpha$ ‘ты сказал’ наряду с $\acute{\epsilon}\phi\eta\varsigma$. Против объяснения Стёртеванта выступил Уоррен Каугилл [4]. Он предположил, что если бы суффикс имел такое происхождение, то он бы мог переосмыслиться (reanalyzed) как показатель 1 л., тогда как 3 л. должно было бы выглядеть как $*sestoh_2-e > *εστωε > εστω$; 2 л. – $*εστωας > *εστως$ (или $*εστω(σ)θ\alpha$). Также он отметил, что нигде, кроме греческого и итальянского, основа на $-к-$ не засвидетельствована. При этом упомянуты, правда, и претеритально-модальные формы от глагола “быть” в тохарских языках: А претерит $t\acute{a}k\bar{a}$, конъюнктив $t\acute{a}ke\bar{n}c$ (3 pl.), оптатив $t\acute{a}k\bar{i}c$; В конъюнктив V $t\acute{a}kau$ (1 sg.), $t\acute{a}kat$ (2 sg.), $t\acute{a}kam$ (3 sg.), оптатив $t\acute{a}koym$, $t\acute{a}koyt$, $t\acute{a}koy$; претерит $t\acute{a}k\bar{a}wa$, $t\acute{a}k\bar{a}sta$, $t\acute{a}ka^3$. Эти формы включены в парадигму глагола $nes-$ ‘быть’ как супплетивные; этимологически же они родственны глаголу $t\bar{a}- < *dheh_1-$. Этот корень представлен также в тохарском А: оптатив $t\bar{a}wi\bar{s}$, активный претерит $cas\bar{a}s$ (причастие претерита to), медиальный $ts\bar{a}te$; В презенс $tase\bar{m}$, конъюнктив $t\bar{a}sau$, $t\bar{a}se\bar{m}$. В перфекте же появился и суффикс $*-k-$ ⁴.

Каугилла поддержал Роберт Бекес [7, с. 7]. Он полагает, что два ларингала между гласными просто выпали бы. О происхождении суффикса $-к-$ оба автора не говорят, но можно предположить, что они считают его изначально явлением не фонетики, а морфологии. Однако этому противоречит то, что он встречается только в формах ед.ч. действительного залога. Является ли он показателем единственного числа? В праиндоевропейском имеются подобные морфемы: изначально такими были, по-видимому, флексии $*-s$ и $*-t$ ([8]; ср. “центр $-s$ / $-t$ ” – [9]). Но они использовались

³ Стёртевант тоже упоминает тохарские формы, приводя при этом явное ghost-word $k\bar{a}lk$ ‘you went’, не зафиксированное в словарях.

⁴ Х. Педерсен [5, с. 194] полагал, что глагол $t\bar{a}k-$ происходит из и.-е. $*steh_1-$. А. Ван Виндекенс [6, с. 496] указывает на то, что начальное $*st-$ отражается в тох. А. как $\acute{s}t-$.

² Такой перфект подтверждает мнение Ф. Бадера о наличии индоевропейских перфектов с редупликацией и 0 ступенью корня [1].

только в 3 л. ед.ч., не распространяясь на иные формы. Пауль Кречмер [10] считал, что суффикс *-k-* воспроизводит объектное спряжение, т.е. придаёт глагольным основам транзитивность, — но этому противоречит то, что он представлен только в формах единственного числа. Иными словами, первичное распределение суффикса трудно объяснить иначе, чем фонетическими причинами. Об италийских рефlekсах основы **dheh₁-k-* речь пойдёт ниже. Что касается тохарских форм, то обращает на себя внимание форма претерита, очевидно, происходящая из перфекта. Этим происхождением, вероятно, объясняется непереходность глаголов *tākaṃ*, *tākoṃ*, *taka*. Соединение ларингального ауслота основы с ларингалом, начинающим флексию, и привело к развитию глайда *-k-*, который и здесь переосмыслился как суффикс.

Таким образом, развитие суффикса *-k-*, как и аблаут, обусловлено подвижным ударением в греческом перфекте, утраченным, как и во всех личных формах глагола, в дописьменный период древнегреческого. Ср. *φοῖδα* — *φῖδμεν*, *γέγονα* ‘я родился’ — *γεγάασι* ‘они родились’, сопоставимые с *véda* ‘я знаю’ — *vidmá* ‘мы знаем’, *jujósα* ‘я вкусил’ *jujúsma* ‘мы вкусили’.

По-видимому, по аналогии с сигматическим суффиксом глайд в греческом приобрёл слаботранзитивное значение, в этом качестве распространился на основы перфекта, образованные корнями без ларингала. Свою роль, видимо, сыграло то, что в старых перфектах и аористах наличие/отсутствие *-k-* противопоставляло сильные формы (действительный залог) слабым (медиальным и пассивным). От непереходных же аористов *ἔβην*, *ἔστην* образуются сходные формы: переходное *ἵστημι* — *βίβημι (непереходное *βιβάω*), переходные аористы *ἔστησα*, *ἔβησα*, непереходные перфекты *ἔστηκα*, *βέβηκα*. Попутно отметим, что от корня *βη-* в греческом образован и переходный презенс *βιβάζω* ‘отправлять’. Формант *-ζ-* появляется на стыке ларингала и тематического гласного: *πίλαμαι* ‘приближаться’ — *πέλάζω* ‘приближать’; *δάμνημι* — *δαμάζω* ‘подавлять, усмирять’; *λίναμαι* *τρέπομαι* (Hes.) ‘обращаться’ — *λίάζω* ‘склонять(ся)’. Вероятно, такой фонетический процесс связан прежде всего с *h₂.

Италийские дериваты корня **d^heh₁-*

В италийских языках этот корень отражён в следующих формах: лат. *facio* / *fēci*⁵. Без суффикса

⁵ В [11, с. 641–642] корни **dheh₁-* и *dheh₁-k-* рассматриваются как отдельные, хотя и родственные. Последний отражён, помимо лат. *facio*, во фригийском *addaket* и венецком претерите *vhagsto* (сигматическая медиальная форма).

-k- глагол в корнем **dheh₁-* представлен в префигурованных и композитных формах *condere* < **km₂-d^hh₁é-* (*condidi*) ‘основывать’; *credere* < **k^rrd-dhh₁é-* (*credidi*; то же корнесложение — др.-инд. *śraddhā* ‘вера’; хетт. DINGIR^{DIDL}-*estama in karatan dair* (Zalpa Vs 16) ‘боги создали иную внутреннюю сущность, иную душу вложили’⁶) ‘верить’, *abdere* (*abdidi*) ‘уносить’, *obdere* (*obdidi*) ‘противопоставлять’ *subdere* (*subdidi*) ‘ставить вниз; скрывать, прятать’, также, очевидно, *dividere* ‘разделять’ (с двумя разделительными приставками). Во всех этих глаголах, представляющих собой тематизацию данного корня (подобную др.-инд. *dádāti*), присутствует редуцированный перфект, возможно, сформировавшийся под влиянием *dare* — *dedi*, *reddo* — *reddidi*. Вообще, в формах с приставками корни **dheh₁-* и **deh₃-* заметно сблизилась, так как первый утратил придыхательность ауслота. И в сознании латинских грамматиков *credere* истолковывалось как *certum dare*. Но и основа на *-k-* может образовать редуцированный претерит: *vhe:vhaked* (Пренестинская фибула); в других латинских памятниках имеет место только претерит *feked* (*fēcit*), начиная с Дуэновой надписи.

По той же морфологической модели образованы основы глагола *cāpio* — *cēpi* (*kh₁p-io — **keh₁p-*) ‘брат’: корневой аорист, от которого образован презенс с 0 ступенью корневого вокализма и суффиксом *-io-*. Глагол того же класса *iacio* состоит в родстве с греч. *ἴημι*; *iēci* = *ἦχα*. Очевидно, причина появления суффикса *-k-* та же. Отметим, что с *iacio* в родстве результативный глагол *iaceo* ‘лежать’, входящий в довольно представительный класс глаголов состояния с суффиксом *-ē-* [12]–[13]: *placeo* ‘нравиться’, *sedeo* ‘сидеть’, *albeo* ‘белеть’, *rubeo* ‘краснеть’. Глаголы, каузативные по отношению к ним, образуются по-разному: отымённый *albāre* ‘белить’, образованные с тем же суффиксом *sēdāre* ‘сажать’, *placāre* ‘делать гладким; утихомиривать’. Презенс с 0 ступенью корневого вокализма и суффиксом **-io-* образован от корневого претерита *iēci* (= *ἦχα*; как *facio* от *fēci* = *ἔ-δῆχα*; *cāpio* ‘брат’ от *cēpi*). К глаголам состояния относится также *taceo* ‘молчать’. О.Н. Трубочёв [14] высказал блестящее предположение о возможности перехода значения “таять” → “молчать”. Тем самым праславянское *mylčati оказывается родственным лат. *mulceo* ‘смягчать’ (совпадающим пофонемно и поморфемно: **m^lkē-*), а ц.-слав. *maiāmu* — *тайна*. Кроме того, славянский глагол родствен

⁶ Соответствие латинского, древнеиндийского и хеттского сочетания корней заставляет предположить общиндоевропейскую формулу *kērd- dheh₁ ‘направить душу; верить’.

греческому τήκω (дорийское τάκω) ‘плавить; изнурять’ (τήκομαι ‘таять’), одного корня с *taceo*. У этого глагола значение ‘плавить’ выражается формами активного презенса, тогда как медий, пассивный аорист и перфект означают ‘таять’. Следовательно, мы можем постулировать развитие глагольного корня **teh₂-* ‘растопливать’ следующим образом: перфект **(te)téh₂-h₂e* (греч. причастие τετηκώς), аорист **téh₂-m₆* (> греч. **ἔ-τηκα*; 0 ступень в пассивном аористе τακῆναι, прилагательном τακερός ‘нежный, мягкий’) → презенс τήκω; > лат. **tēci* → переходный презенс **tacio* ‘растопливать’ → *taceo* ‘молчать’. Этот последний находит параллель в германских глаголах слабого 3 класса: гот. *bahan* ‘молчать’, д.-в.-н. *dagēn* ‘то же’. Готский 3 класс отражает флексию, аналогичную ведическому нестандартному медию: гот. *habai-þ*, *bahai-þ* — вед. *duhé* ‘(корова) доится’, причём для этого корня можно подобрать и германскую непосредственную параллель. От него в готском языке образован безличный глагол *daug* ‘достаточно’ (со ступенью *o*), в древнеисландском — глагол III класса *duga* (с 0 ступенью). Его 3 л. ед.ч. *duger* имеет стандартную для древнеисландского флексию. Но по аналогии с готским спряжением можно восстанавливать форму **dugai-þ*, пофонемно соответствующую древнеиндийской. В древневерхненемецком глаголы III класса имели суффикс **-ē-* (**-eh₁-*), как и латинские стативные глаголы [15]. В отличие от Дж. Джебнова, видевшего в готском окончании **-ei*, Йенс Расмуссен восстанавливает для этой категории суффикс **-Hio-*, представленный и в древнеиндийской глагольной основе пассивного залога [16]. Ср. др.-инд. *punāti* ‘очищать’ при пассиве *pūyāte* ‘очищаться’, где удлинение гласного свидетельствует о наличии ларингала в суффиксе. Попутно отметим, что так же соотносятся лат. *capio* (с тем же аблаутом и морфологией, что *facio*, *iacio*) — гот. *haban*, др.-в.-нем. *habēn* ‘иметь’ (III класс). А лат. *habeo* ‘иметь’ — стативный глагол от корня, чей агентивный вариант представлен в готском сильном глаголе V класса *giban* ‘давать’. В настоящее время предполагается, что суффикс **-Hio-* по происхождению презентный, **-eh₁-* — аористный (в терминологии Г. Рикса — стативный и фиентивный соответственно). При этом надо иметь в виду, что латинские презенсы 3 спряжения имеют суффикс *-io-* и 0 ступень вокализма. Но этот суффикс, вероятно, отличается от стативного. Собственно говоря, на различие двух презентных суффиксов, сходно звучащих, обратил внимание Ф.Ф. Фортунатов [17, с. 17]: он разделяет спряжение с суффиксом **-ja-*, которое видит в лит. *kēlia* ‘он поднимает’, и *-ia-*, которое наличествует в *dūsi* ‘он тяжело дышит’. Упомянув

о суффиксе *-ē-* и *-ó-*, которые в литовском образуют основы глаголов состояния (в инфинитиве и претерите), Фортунатов подчеркивает его “длительную интонацию”, т.е. акут (циркумфлекс он именуется “прерывистой интонацией”). Если учесть несомненную связь литовского акута с ларингалами (ср. *pilnas* ‘полный’ = др.-инд. *pūrṇāḥ*), то становится очевидным: Фортунатов предвидел реконструкцию фиентивного и стативного глагольных суффиксов.

Особый вопрос — переход **teh₂-* > **dah/g-* в германских языках. Возможно ли это фонетически? В нем. *gehen*, *stehen* глайд *-h-* позднего происхождения: др.-в.-нем. *gān*, *gēn*, др.-англ. *gān*; близко по форме к немецкому крымско-готское *geen*. Соответственно *stehen* — др.-в.-нем. *stān*, *stēn*; долгота сохраняется в претерите др.-англ. *stōd*. Таким образом, в корнях **gheh₂-* и *steh₂-* перехода *-H* > **k* > **h* не засвидетельствовано. То же можно сказать и о корне **dheh₁-*: др.-англ. *dōn* и т.д. не показывают такого перехода. С другой стороны, упомянутые корни на ларингал не встречаются в такой позиции. Может быть, именно сочетание корня **teh₂-* и суффикса **-Hie-* способствовало появлению глайда **-k-* на морфемном шве. К сожалению, здесь мы имеем дело с очень редким, практически единичным фонетическим явлением (другие примеры со стыками ларингалов в германских языках неизвестны), так что верифицировать подобное утверждение почти невозможно. Но предположим его как гипотезу, объясняющую появление прагерм. **pah/pag⁻⁷*, пофонемно соответствующего лат. *tac-*. Общие суффикс и значение тоже важны для этого этимона, который можно считать одной из значимых германо-италийских изоглосс. Другое объяснение — непосредственное заимствование в прагерманский из праиталийского.

В сабелльских языках широко представлены формы от основы с *-k-*. Умбрский конъюнктив *fačia* (TI IIa 16) ‘faciat’; инфинитив *fačiu* (IIa 17) ‘facere’: *heriiei fačiu ařfertur avis anzeriatē menzne kurčlasiu fačia tičit* = *voluerit facere arbiter avibus observatis, luna *plena faciat decet* ‘если жрец захочет сделать (это), наблюдая птиц, подобает, чтобы сделал при полной луне’.

Инфинитив может быть образован от основы без суффикса *-io-*: *faču* (IIb 22) ‘facere’: *vitlu vufru pune heries | faču eruhu tičlu sestu iuevatre* = *vitulum votivum cum voles facere eadem *dedicatione sistito*

⁷ В готском глагольном корне не действовал закон Вернера. Возможно, это связано с влиянием отглагольного имени *bahains* ‘молчание’.

Iovī patri ‘Если хочешь принести жертвенного телёнка, пусть с этим посвящением будет установлено для Юпитера-отца’.

Модальная форма **fakurent** равнозначна футуруму II или конъюнктиву перфекта: **pune purtinçus kařetu pufe apruf | fakurent puze erus teřa ape erus teřust puřtru** (Ib 34) = cum portenderis, uocato ubi apros, fecerint ut *erus det. Ubi erus dederit, retro ‘Когда укажешь, куда надо позвать вепрей, пусть сделают (жертвоприношение) там, где даст жрец. Где жрец даст – назад’.

То же в единственном числе: **fakust** (IV 31) **ap itek fakust puřetu** = ubi ita fecerit, porrectum esto ‘Где он это сделает, туда должно направиться’.

feitu ‘facito’ (19 примеров в “умбрской” части Игувинских таблиц);

В “латинской” части находятся те же формы, с орографическими нюансами: **facurent** (VIIa 43) **ape purdinšius caršitu pufe abrons facurent puse erus dera** = Ubi porrexerit, uocato pro loco arono fecerint, ut *erus det ‘Куда придёт, пусть они сделают для места вепрей, как даст жрец’.

feetu (VIIa 41) **trahaf saħate villa trif feetu** = trans Sanctam vitulas tres facito ‘Через святилище пусть сделает (= принесёт в жертву) трёх тёлков’.

feitu, fetu (VII a 41-2) **persaea fetu poni | fetu aruio fetu tases persnimu** = *Pedarias facito, poni facito, arvio facito, tacitus precator ‘Да сотворит П., сотворит р., сотворит для жреца молчаливый, молящийся’.

В вольском языке находим **façia** (VM 2; Ve 222; Lex sacra) **deve: declune: statom: sepis: atahus: pis: uelestrom: façia: esaristrom: se: bim: asif: vesclis: uinu: arpatitu** = divo Declunio statum si quis voverit quisquis Veliternum faciat, si bovem ad aram vasculis, vino accedito ‘если кто посвятит статую божественному Деклунию, всякий, кто Велитурне (жертвоприношение) делает, или быка (заколет), бокалами, вином да совершит’.

В оскских надписях представлены следующие формы: **fakiiad** (Cp 33) **sakrím fakiiad kasit medic(ud)** = sacrum faciat (pro) magistratu (?) ‘пусть сделает жертвоприношение для правителя’ (= лат. *faciat*, умбр. *façia*),

fakinss (Cm 13) **stenim. kalauium. triřagins. úlleis. fakinnss** = ullis faciant(?),

fifikus (Cp 37, 5) **svai: neip: avt: svai: tiium: idik fifikus pust eisuk: ___/pun: kahad: avt: r[--]num: putiiad: punum kahad avt svai: pid perfakust** = si nec aut tu id feceris postea... cum capiat aut R... possit; cum capiat aut si quid perfecerit ‘если ты не сделаешь это после этого, или Р. не сможет; когда возьмёт и если сможет’ (здесь представлена также важная

форма префигированного перфекта конъюнктива **perfakust**).

О форме **fifikus** следует сказать особо. Старые языковеды уверенно выводили её из корня *fig-* (*finġo*), поэтому Феттер [18] переводит её как *finxeris*. Но по смыслу это мало подходит, т.к. из контекста никак не вытекает конкретного значения глагола (“сделаешь” не означает в данном случае создания материального предмета). Поэтому в настоящее время большинство исследователей видит здесь перфект **fefēk-* с характерным переходом сабельского *ē в *i*, ср. лат. *lēx* (*lēgis*) – оск. *lixs* (*ligid*). В надписи Cippus magnus (Sa 4: 10) встречаем: **inim. leiguss. samid[-----(-)-]úvřikúnúns. fif[iked]** = Nic legibus ... fec[it] ‘это по законам’... сделал. Надпись повреждена, и у последнего слова читаются только три первые буквы. Но по смыслу подходит значение “сделал”, а *i* в первом слоге позволяет восстановить форму **fifiked**, встречающуюся также в самнитских надписях. Мы ещё вернёмся к этим формам, а пока рассмотрим интересующий нас глагол в Бантийском законе:

(Lu 1, 10) *pis.pocapif.ĵt. post. exac. comono. hafřiřest .meddis. dat. castrid. loufir. en. ei-tuas. factud. p{o}řus. touto. deiuatuns. tanginom. deikans. siom. dat. eiza(i)sc. idic. tangineis. dei-cum. pod. ualemom. touticom. tadait. ezum. nep. fefacid. pod.pis. dat eizac. egmad. mins. deiuatid. dolud. mallud. suae pis. contrud. exeic. fefacust. auti. comono hipust. molto. estud n(umum) MM = quicumque post hoc comitia habebit magistratus (rex) de praediis vel in pecuniis facito, ut populi iurati sententiam dicant, si de eis id sententiam dicere, quod optimum publicum videatur esse, neve fecerit, quoquis de eo ne minus iuret, dolo malo. si quis contra hoc fecerit, aut comitia habuerit, multa tanta esto, nummos 200 ‘Если всякий правитель после этого собрания будет что-то иметь об имуществе или о деньгах, пусть делает, как народ, принеся клятву, принял решение, принимая решение так, как покажется лучше всего для народа. Если же не сделает, но об этом не меньше поклянется, – (считать) злой хитростью. Если же сделает что-то против этого, или собрание будет иметь, то пусть будет много (штрафа) – 200 нуммов’. Своего рода компромисс между текстовым значением *řifcid* и старой гипотезой о его происхождении предложил Мишель Лежён [19]: с его точки зрения, эта форма есть контаминация корней **d^heh₁-* и **d^heiǵ^h-*.*

Поскольку корень *fac-* встречается в сабельских надписях чаще всего в различных формах субъюнктивов, обратим внимание на особенности в употреблении времён и модусов. 1. Относится ли форма *hafřest* к основе инфекта или перфекта глагола, аналогичного лат. *habēre*? Его

перфект *hipid* (см. ниже) именно в оскском контаминировал с корнем *cap-* и отражает италийское *hēp-⁸. Таким образом, основа *hafī-* содержит 0 ступень (вместе с йотовым суффиксом) и может рассматриваться как презентная. Форма же *hafīest* – это будущее I. 2. Интересно соотношение форм *fefacid* и *fefacust*. Первая представляет собой обычный перфект (правда, ограниченность и неоднозначность материала не позволяет сказать, восходит ли последний гласный к *-ē-, т.е. суффиксу конъюнктива, а м.б., к -i-, отражающему индоевропейский оптатив). Вторая же – футурум II. Данный контекст позволяет сформулировать важное правило оскского синтаксиса: в отрицательных предложениях протасиса употребляется перфект, в контрфактических (*contra hoc fecerit*) – предбудущее.

В том же тексте форма *fefacust* появляется в сходном же окружении: *zicolom. XXX. nesimum. comonom. ni. hipid. suae. pis. contrud. exeic. fefacust.; suae. pis. comtrud. exeic. fefacust. ionc. suae. pis. herest. meddiss. moltaum. liceto* (17–18) = *diem XXX comitia ni habuerit; si quia contra hoc fecerit, siquis volet magistratus multare, licitud* ‘Если на ближайший 30-й день собрание не будет иметь; если против этого сделает, то пусть будет позволено наказывать так, как решит правитель’.

Заметим, что распределение форм *hipid* (перфект индикатива / конъюнктива) / *hipust* (futurum exactum) соответствует указанному правилу: первое – в отрицательном предложении, второе – в *pendant* к *fefacust*.

factud (Lu 1, 9) см. выше.

В оскских надписях представлено и перфектное причастие от этого глагола *facus*. Оно образует будущее время с вспомогательным глаголом: *fust, estud suae pis contrud. eseic. tr. pl. auti meddiss. facus fust. izic. amprufid. facus. estud* (Lu 1, 30) = *si quis contra hoc, tr.pl. aut meddix (rex) faciat, probe facito* ‘Если кто-то против этого, или правитель сделает это, пусть точно будет сделано’.

fec (MV 3) *pa petroni² pom. f. bea³ ecan. fec. ⁴medix* = *quam Petronio Pom(pei) filio b. fecit rex* ‘Это (здание) Петронию, сыну Помпея построил правитель’.

В оскской надписи греческого алфавита см.: *φακτιεδ* (Lu 62 B9) *σφαλειοκνειπ φακτιεδ* ‘*si id ne faciat*’ – не вполне понятная форма с точки

⁸ Общеиндоевропейским этот корень быть не может, так как в нём имелось бы невозможное для праиндоевропейского сочетание *gh-p: звонкий придыхательный и глухой в одном первичном корне не встречаются. О судьбе корней **ghebh-* и **kehp-* в италийских и германских языках см. [20].

зрения морфологии. Возможно, описка вместо *fakied (футурум).

Самнит. *φεφιχεδ* (Ps 20 A2) *φεφιχεδ εκυρε* ‘*fecit hic*’.

Итак, обзор показал следующее. 1. В сабельских надписях наш глагол крайне редок в индикативе; как правило, он встречается в императиве или конъюнктиве перфекта (иногда и презенса). 2. Основа презенса единообразна: 0 ступень на -k- с суффиксом *-io-. Правда, Х. Берингер Санчес, Э. Лухан Мартинес [21, с. 200] и М. Манчини [22] полагают, что умбрское *feitu/ feitu/ fetu/ feetu* может воспроизводить йотовый презенс с полной ступенью вокализма *dhē-io: лит. *dėjù*, ц.-слав., русск. *дѣж* (аорист *дѣ*). Таким образом, *feia* < **dhē-i(e)-ā-t*, *feitu* < *dhē-ie-tōd. Но балто-славянский презенс вторичен [23]; он представляет собой атематическую основу, сохранившуюся в ст.-чеш. *diem*, с.-хорв. (старое) *dīm* ‘я говорю’, к которой присоединились тематические флексии (аналогично – *даж* – *дамь* – *да*). Так что если в италийском и развился йотовый презенс от данного корня, то скорее параллельно славянскому, а не как отражение общеиндоевропейского наследия. Поэтому представляется более обоснованным мнение Г. Майзера [24] о том, что упомянутые императивы развились из *fakētōd, подобно *deitu* ‘пусть он скажет’ из **deikētōd*⁹. Презенс *facio* в его соотношении с перфектом относится к тому же типу, что и *iacio* – *iēci* (с -k- того же происхождения, что и в *facio*), *capio* – *cēpi*. Но умбрский и в меньшей степени оскский глагол представляет некоторые важные отличия от латыни. В оскском языке чередуются формы *fefakid* (по-видимому, пофонемно совпадающее с пренест. *vhe:vhaked*), *fefakust* / *fifikus* (по функции перфект конъюнктива или футурум II). Формы с корневым -a- воспроизводят 0 ступень вокализма; более сложен вопрос с формами на -i-. Уже отмечалось, что с одной стороны, они могут репрезентировать *-ē-: *fusid* = *foret*, *loufir* = *libet*, *lubet*; *lixs* = *lēx*, *ligis* = *lēgis*. С другой стороны, в литературе высказывалась мысль о том, что оскские и самнитские перфекты на -i- представляют собой контаминацию корней **fēk-* и **fēigh-* (лат. *fungo* ‘лепить, создавать’) [21, с. 206]. И для такой интерпретации дают некоторое основание фалиские тексты:

⁹ Манчини [22, с. 86] возражает, указывая на умбр. *kapi:sakra: aitu* (TI Ib 29; 37) = *capides sacras agito* ‘да приведёт он святые сосуды (?)’, где *aitu* < *agetōd: после выпадения смычного согласного тембр гласного не меняется. Но процесс этот недостаточно изучен: непонятно, одинаково ли в сабельском должны изменяться кластеры *-aki- и *agi-.

mamazextosmedfifiqod: prauiosurnam: socia- ipordetcarai (Ve 241; надпись на глиняной чаше) = *Mama Sextus me fecit/ finxit, Pravius — urnam, sociae obtulit carae* ‘М. и С. меня сделали (слепили), П. — урну, предоставил дорогой подруге’;

eamedfifiked (Ve 257; надпись на большом бокале) = *ea me fecit/ finxit* ‘она меня сделала (слепила)’. Поскольку речь идёт о глиняных изделиях, перевод “создал, слепил” вполне мотивирован. Глагол *fifiked* может быть сопоставлен с др.-инд. редуцированным аористом *adidihat* ‘слепил’. Но подобный перевод выглядит гораздо более натянутым, когда у глагола более обобщённое и абстрактное значение. Далее, у нас нет уверенности, что в фалисском имел место фонетический закон $\bar{e} > i$ (хотя М. Манчини утверждает обратное). Таким образом, фалисская форма действительно может содержать изначальное корневое *-i-*. Для объяснения конечного корневого согласного (*-k-* вместо *-g-*) следует предположить контаминацию корней *fac-* и *fig-*, подобно тому, как в сабелльских языках контаминировали корни *cap-* и *hab-*, в результате чего появились оск. *hipid*, умбр. *hahtu* ‘пусть возьмёт’ (ср. [20]). Иными словами, фалисское *fifiked/ fifiqod* вполне могло быть контаминацией корней **d^heh₁-* и **d^heig^h-*, как и полагал М. Лежён (см. выше).

Особняком стоит *fec*. Его единичный характер не позволяет вынести достоверных суждений об орфографии, морфологии и семантике данной формы. Было бы соблазнительно увидеть в нём древний корневой аорист **d^héh₁-t* > *fēk-t*. Но имеющихся данных недостаточно, чтобы определить, не описка и не сокращение ли это. И сохранение $\bar{e}$ остаётся в оскской словоформе не вполне ясным: насколько переход его в *i* охватывал все надписи?

Особый интерес представляют модальные формы перфекта в оскском и умбрском. Футурум II (или конъюнктив перфекта) *fakust/facurent* лишён редупликации и имеет слабую степень вокализма. Этим данная форма отличается от оск. *perfacust*, где отсутствие редупликации может быть объяснено воздействием префикса (ср. лат. *spopondi* — префигированное *respondi*). Что же касается суффикса *-us-*, то он считается изофункциональным латинскому суффиксу, образующему производные основы в системе перфекта. Этот последний сравнивают, как правило, с дезидеративным **-Hes-*. В древнеиндийском суффикс дезидератива стоит исключительно в 0 степени и сопровождается тематическим гласным (в 0 степени оказывается и глагольный корень: тематический гласный претягивал на себя ударение). Как правило, в дезидеративе основа приобретает редуплицирующий слог, но из этого правила есть и исключения:

dīksāti ‘почитать’ (ср. [29]). Латинский субъюнктивный суффикс, очевидно, тоже содержит 0 ступень: *H_s > *-is-* (в интервокальной позиции *-er-*); к нему присоединяются суффиксы времён и наклонений. Но оско-умбрский *-us-* затруднительно сравнивать с **-Hes-* по фонетическим соотношениям: ларингал не проявляется ни в одной глагольной форме. Так что более надёжно вывести сабелльский футурально-конъюнктивный суффикс из обычного сигматического с его вариациями **-e/ø/s-/s-*, причём в оскском и умбрском представлена именно полная ступень. Её наличие объясняет вокализм корня: **d^héh₁-é/ø/s-* > **d^hh₁-é/ø/s-* > **fak-os-*. Правда, мы не можем сказать: является ли умбрское *fakust* и оскское *fefacus* тематизированной или атематической формой: сильное начальное ударение приводит к отпадению конечных гласных: *emps* (Ve 236) = *emptus*. Однако закон ротацизма действовал и в оско-умбрском, что ясно показывают формы типа *facurent*. Его отсутствие в форме *fakust* заставляет предположить отсутствие гласного после суффикса. Отметим, что с сабелльскими сигматическими формами можно сравнить латинские субъюнктивы типа *faxo/faxim, capso* и т.д. Их происхождение и функционирование хорошо известны: по происхождению они являются конъюнктивами и оптативами сигматических форм, перешедшими в футурум [26]. У них и корень, и суффикс стоит в 0 степени; флексия явно передвинулась на тематический гласный. Из позднеиндоевропейского-праиталийского **d^hh₁-ós-t* развился конъюнктив или тематический глагол¹⁰ **d^hh₁-sé-t*.

Такой аблаут глагольной деривации (возможно, не только глагольной) был описан Кёйпером [27]; [28]; италийский глагол полностью соответствует его реконструкции. Можно, следовательно, выдвинуть гипотезу: сабелльская подгруппа сохранила древний аблаутный корневой аорист, в котором акцент передвигался с корня на присоединяющийся к нему суффикс и затем на тематический гласный.

Наконец, в фалисском есть нередуплицированный претерит *faced*. Его происхождение не вполне ясно: он может быть сокращением редуплицированной формы или самостоятельным претеритом с 0 степенью, наследником тематического аориста. Х. Берингуэр Санчес, Э. Мартинес Лухан [21, с. 210] и М. Манчини [22, с. 80] считают, что простые формы претерита развились из редуплицированных: *fefēked* → *fēked*, *fefāked* → *fāked*. Но, на наш взгляд, этот вопрос просто нельзя

¹⁰ Обе категории очень близки друг другу; см. [28]; [29].

рассматривать без данных внешнего сравнения: италийский материал сам по себе просто не даёт оснований для выводов о направленности изменений в этом корне.

Формы перфекта в фалисском тоже неоднородны, а в сабелльских языках отличаются ещё большим разнообразием, чем в латинском; в некоторых случаях можно предположить аблаут в одной парадигме. Итак, в этой группе имеется: 1) презентная с суффиксом **-io-* (0 степень вокализма; латынь, оскский, умбрский), 2) претеритальная атематическая (полная степень; латынь), 3) претеритальная с *-k-* и редупликацией (0 степень; Пренестинская фибула, оскский), 4) редулицированная с суффиксом *-k-* и полной степенью вокализма (с переходом праиталийского **ē* > сабелльское *i*; оскский), 5) аористная тематическая с редупликацией (0 степень; латынь); 6) презентная с 0 степенью (латынь).

Надо полагать, что основа 4) репрезентирует активный перфект (= τέθηκα), а основа 2) — аорист. Очевидно, в праиталийском языке имели место процессы, аналогичные греческому: глайд **-k-* возник на морфемном шве, если основа заканчивалась на ларингал. Затем по аналогии этот формант распространился и на корневой аорист; это подтверждает также перфект *iēci* от глагола *iacio*.

Следовательно, в ранних италийских текстах можно найти следы и аориста, и перфекта от одного корня. И в лат. *facio* и родственных формах причина появления суффикса *-k-*, видимо, та же, что в греческом. В 1 л. ед.ч. перфекта этот звук возник закономерно на стыке двух ларингалов. Затем она превратилась в характеристику перфектной основы. Именно когда перфект утратил своё значение состояния и стал превращаться в претерит, по аналогии с ним этот звук распространился и на основу корневого аориста, переосмыслившись как суффикс. Затем от этого аориста образовался презенс с 0 степенью и суффиксом *-io-*; произошло переразложение основы. Основа *iacio/ iēci* ‘бросать’ претерпела тот же путь развития, хотя он не так подробно документирован на италийском материале. Видимо, от неё произведены основы 1) и 3). Основы 5) и 6), лишённые характерного суффикса *-k-*, контаминировали с корнем **deh₃-* (*dare*, перфект *dedi*).

Что касается сосуществования форм типа пренест. *vhe:vhaked* — фалиск. *faced*, то можно предположить следующее. От основы *fāk-* образован презенс с помощью суффикса *-io-*. Без этого суффикса основа могла приобрести значение аориста. Тематический аорист может иметь или не иметь редупликацию. Кроме этого, имеются корни,

от которых может быть образован атематический и тематический аорист. Очевидно, рефлексы корня **dheh₁-* в италийском отразили такое же богатство основ, какое представлено в древнеиндийском. Функционально все перечисленные претериты однозначны. Но они сохранили формальные различия, характерные для эпохи, когда в праиндоевропейском различались не две (как в западных группах), а три глагольные основы. Италийские языки, таким образом, сохранили следы процесса слияния основ аориста и перфекта. В них представлены формы, морфологически близкие греческому аористу и перфекту. Кроме того, сходные же формы можно видеть и во фригийском языке, близкородственном древнегреческому: старофригийский презенс *dakati*, новофригийское *аддакет* (пофонемно совпадающее с фалисским *faced*), вероятнее всего, презентная основа (по аналогии с встретившимся в той же позиции глаголом *αββερετ* — безусловная основа презенса), перфект н.-фриг. *δακαρ, δακαρεν* (последний чётко соответствует лат. *fecerunt*). Во фригийском языке затруднительно определить долготу или краткость гласного, поэтому о степени вокализма различных глагольных основ в нём судить невозможно. Аорист от данного корня содержит не формант *-k-*, а сигматический суффикс: *edaes*, известный и в старо-, и в новофригийском. Форма ближе всего к хеттскому 3 л. ед.ч. нашего корня *dais*. Ограниченность материала, конечно, не позволяет проследить формирование глагольных основ во фригийском. Но сходство форм презенса и перфекта с италийским впечатляет.

Несмотря на фрагментарность, очевидно, что фригийский, как и родственные ему древнегреческий, а также индоиранские языки, сохранил три базовые основы глагола. Среди этих языков наибольшим разнообразием глагольных форм отличается древнеиндийский. В нём имеется значительное количество разных типов аориста, образованных от одной глагольной основы: *anākti* ‘украшать’ — опатив первичного корневого аориста *ajyāt*, редулицирующий вторичный *anjijāt*; *ārcati* ‘сиять; награждать’ — редулицирующий *arcicat*, сигматический (аорист 5) *arcīt*; *arhati* ‘заслуживать’ — *arjihāt, ārhīt*; *ichāti* ‘искать’ — *aiṣiṣāt* и поздний сигматический (с Майтирейя-Самхита) *aiṣīt*; *ubjāti* ‘одолевать’ — *aubhijāt, aubhīt*; *rāṣīti* ‘царствовать’ — *arājāt, arajīsur*; *ardati* ‘крутиться, распадаться’ — *ardidāt, arđīt*; *rdhnoti* ‘преуспевать’ — *ardhma* (корневой аорист, 1 Pl), *ārdidhāt, ārdhīt*; *dīmhāti* ‘укреплять’ — *adidṛhāt, adarhīt*. От глаголов *dvēṣīti* ‘ненавидеть’ и *dogdhi* ‘дойти’ образуются пассивные аористы *adveṣi*, *adohi* и редулицирующие *adidviṣāt, aduduhāt*; от *dyótati* ‘блистать’ → простой и

редуплицирующий аористы (2 и 3) *adyutat, ádidyutat*. От корня *dā* (< **deh*₃-), весьма близкого по структуре к **d^heh*₁- (презентс *dadāti*) – корневой *ádāt* и редуплицирующий *adidat* (= лат. *dedit*). Всё это напоминает разнообразие временных форм от корня *fac*-.

Конечно, представленная здесь реконструкция – не единственно возможная. Так, К. де Симоне [30, с. 173] полагает, что формами, восходящими к праиталийскому состоянию, являются презентс *fak-io- и перфект *fefak*-. Однако формант *-k*- в них появился по аналогии с основой в полной ступени, представленной в *fēk-ed < **d^héh*₁-, которая, по мнению исследователя, развилась вне связи с греч. *ἔστηκα*. С этим можно согласиться. Мы следуем Стёртеванту, полагая, что и в греческом, и в праиталийском языках формант **-k*- развился в перфекте, предположительно начиная с формы 1 л. ед.ч. Именно здесь имел место морфемный шов между двумя ларингалами. Различие между *feked* (в Дуэновой надписи) и пренестинским *vhe:fhaked* исследователь объясняет тем, что они отражают диалектное различие в латыни двух разных зон. Более конкретно этот вопрос рассматривает М. Манчини [22, с. 88–89]. Он полагает, что редуплицирующие перфекты были более свойственны сабелльской подгруппе италийских языков, чем латинской.

Механизм образования италийской парадигмы может быть восстановлен поэтапно:

1. Формирование перфектной основы в полной ступени вокализма с глайдом **-k*-; причины появления те же, что и в греческом.

2. Распространение глайда на аорист. Корень **d^heh*₁-, как и остальные с той же структурой (**ieh*₁-, **steh*₂-, **deh*₃-) без дополнительных аффиксов тяготеет к аористическому значению. Основа *fēk- стала обозначать претерит.

3. От общеиталийского аориста *fēk- (**d^heh*₁-) образован презентс с суффиксом **-io*- и соответствующей 0 ступенью корневого вокализма.

4. От этой же основы был образован новый аорист – с тематизацией (и соответствующей ей редукцией корневого вокализма) и редупликацией.

5. Возможно существование в праиталийском перфекта типа *fefēke-; в таком случае лат. *vhe:vhaked*, оск. *fefakid* (новый аорист) могли развиться под его влиянием. Оск. *ffikust* может отражать именно приведённую выше основу: **ē>i* в оскском; ср. лат. *cēpi tī* оск. *hipid* ‘он взял’.

6. Старый тематический аорист с редупликацией в латыни и других италийских языках

образуется и от корней **deh*₃- (лат. *dedit*, умбр. *dede*, *dersa* (VIIff 43, 44) ‘det’, оск. *deded*, *dedens*, *deded*), **steh*₂- (*stetit*).

7. Наличие *-k*-основ в древнегреческом, фригийском и тохарском позволяют предположить, что переход **-HH*- > *-k*- был характерен для позднего общеиндоевропейского языкового состояния. По-видимому, в этот период началось формирование аспектуальной системы, поэтому глайд *-k*- уподобился суффиксу аориста или перфекта. Но в полноценную морфему он так и не обратился. В греческом он характеризовал единственное число действительного залога, но за пределы глаголов на ларингал в аористе не распространился. В послегомеровскую же эпоху стал одним из суффиксов активного перфекта. В италийских языках на базе форманта *-k*- сформировалась новая глагольная основа. Но она не образует очевидной морфосемантической оппозиции первичной основе **d^heh*₁-. Таким образом, формант **-k*- остался, если так можно выразиться, между фонетикой и морфологией.

По мнению Х. Берингуэра Санчеса и Э. Лухана Мартинеса [21, с. 205], а также М. Манчини [22, с. 84], тематизированные формы без *-k*- встречаются в надписях на языке марсов: *αναφεδ* (Lu 14) < *ana-dhe-t; *pruffed* (Sa 25) < *pro-dh-dhe-t. Из-за краткости контекста, однако, трудно определить, какой корень содержится в этих формах. Последняя, к примеру, напоминает оск. *prufatted* ‘*probavit*’ < **pro-b^huā*-.

Остаётся вопрос о полной и 0 ступени италийского глагола. Во многих работах [31]–[35] было показано, что глаголы в 0 ступени корня имеют непереходное значение. Но такая семантика характерна для соответствующих древнегреческих, славянских и балтийских глаголов. Её следы можно видеть в хеттском (*dāi* ‘он ставит’ – *tijazi* ‘наступает’ (о времени), ‘входит, поднимается’) и германских языках (гот. *þagkjan* ‘думать’ – *þugkjan* ‘казаться’; аналогично др.-англ. *þencan* – *þuncan*, нем. *denken* – *dünken*). В италийском же ареале противопоставление переходных глаголов с полной ступенью корня и непереходных с 0 не засвидетельствовано. Поэтому 0 ступень в презенсах *facio*, *iacio*, *capio* возникла благодаря присоединению презентного суффикса *-io*-, на который передвинулось ударение с корневого гласного. Но непереходного значения они не приобрели. Отметим, что оппозиция аориста с полной ступенью и презенса с 0 и суффиксом **-io*- засвидетельствована и в греческом: *καίω* ‘жечь’ – аорист *ἔκηκα*. Кроме того, имеется ряд глаголов с такой же морфологией и переходным значением: *βάλλω*

‘бросать’, $\delta αίω$ ‘зажигать’, $κλάω$ ‘разбивать’ (пассивный аорист $\acute{\epsilon}κλάσθη$), $ρ αίω$ ‘раздроблять’ (аорист $\acute{\epsilon}ρ αισα$), $ρ άπτω$ ‘шить’ (гомеровский аорист $ρ άψα$), $τύπτω$ ‘ударять’ ($\acute{\epsilon}τυψα$). В скобках показаны вторичные аористы или не отличающиеся от презенса вокализмом ($^{TM}κλάσθη$ с закономерной для этой формы 0 ступенью вокализма). У глагола $βάλλω$ имеется активный тематический аорист $\acute{\epsilon}βαλον$; но медиопассив $\acute{\epsilon}βλητο$ (< $*g^u\text{leH-}$) позволяет предположить и корневой аорист $*\acute{\epsilon}βλη$ ($*g^uleH-$); возможно, глосса $\acute{\epsilon}ζελεν \cdot \acute{\epsilon}βαλεν$ репрезентирует корневой аорист с иной огласовкой ($*g^uehH-C$; Ф.О. Линдеман видел здесь сигматическую форму [37]). Ср. медий $\acute{\epsilon}βάλετο$ ‘он бросил себе’ в оппозиции непереходному $\acute{\epsilon}βλητο$ ‘он упал’¹¹. Также отметим однокоренной литовский глагол состояния $gulėti$ ‘хотеть’, который относится к $βάλλω$ так же, как лат. $iaceo$ к $iacio$. Полная ступень корня $\delta αίω$ представлена в перфекте $δέδηε$ ‘он горел’. Во всяком случае, класс переходных презенсов с 0 ступенью вокализма и суффиксом $*-io-$ засвидетельствован. Он формировался в тот период общеиндоевропейского языкового состояния, когда акцент утратил своё специфическое значение: окситонные глагольные формы выражали непереходность и модальность. Затем передвинутое направо ударение стало просто характеризовать маркированные формы (например, множественное число в оппозиции к единственному) и стало использоваться для образования видовременных форм (по нашей классификации, второй период [38]). При этом однозначной связи передвижение акцента и апофония с аспектом не имеют: возможны как презенсы в полной ступни и аористы в 0, так и презенсы в 0 ступени с аористами в полной. Эту оппозицию мы и наблюдаем в латинских $facio - fēci, capio - cēpi$.

Итак, в греческом и итальянских языках по сходным фонетическим процессам возникла форма, где ларингал в ауслауте основы преобразился в $-k-$, что следует считать важной изоглоссой. В греческом у первичных глаголов она осталась только в сильных формах, в итальянских – распространилась на всю парадигму (при сохранении количественного аблаута). В греческом она приняла слабое диатезное значение. В итальянском же она образовала основу по сути нового глагола со значением не “класть” (которое сохранилось в формах глагола без $-k-$), а “делать”. Что же касается тохарских языков, где

также обнаружена основа на $-k-$, то она сохранила стативно-непереходное значение перфекта.

Имена от корня $*d^heh_1-$: наследие семантических архаизмов

В заключение скажем несколько слов об именных производных от этого глагола. Их очень большое количество¹², поэтому мы рассмотрим только корневые имена и некоторые производные.

$\mathcal{D}ήν$ ‘в действительности, точно’, согласно Й. Шиндлеру [39], древний винительный падеж от незасвидетельствованного имени $*\mathcal{D}η-$ < $*d^heh_1-$. В словаре Фриска [40] именуется “*unerklärt*”; у Шантрена – “*Pas d’etymologie*” [41]; у Беке-са – “*unexplained*” [42]. Я полагаю, что этимология Шиндлера верна, она может быть дополнена композитами: $πρόσθη \cdot πρόσθεσις$ ‘установление’; $πρόσθη \cdot τοῦ αἰδοίου τὸ δέσμα$ ‘крайняя плоть’ (Hes.); у Аристофана (Облака 1014) ‘*membrum virile*’. Можно предположить, что композит состоит из $ποσ-$ ($πέος$ < $*πέσος$, penis) и $*dhē-$.

$\mathcal{D}εσ-$ ‘бог’. В греческом есть самостоятельный окситон $\mathcal{D}εός$ < $*d^h_1sós$. Полная ступень корня – в лат. $fēriae, fēstus$ (0 ступень – $fānum$ < $*fas-nom$ < $*d^h_1s-nóm$). Форма $\mathcal{D}εσ-$ выступает как первый элемент композитов: $\mathcal{D}εσ-κελος$ ‘чудесный’, $\mathcal{D}εσ-φατος$ ‘объявленный богом’, $\mathcal{D}εσ-πέσιος$ ‘божественный, сверхчеловеческий, могучий’. Корневое атематическое имя $*d^h_1s-$ обозначало божественную силу, а окситонное $*d^h_1sós$ – одушевлённого носителя этой силы. Бекес полагает, что это сигматическое расширение первичного $*d^heh_1-$.

Др.-инд. $dhā$ ‘держаший, несущий’ в брахманах: $dhā asisvadhā asi$ (TSI 1, 9, 3) ‘ты – несущий, ты – самостоятельный’ (Caland). В “Ригведе” присутствуют и абстрактные значения данного имени: $durdhā$ ‘перестановка’, $apadhā$ ‘тайник’, $nidhā$ ‘сети (для ловли птиц); гнездо’, $medhā$ ‘мудрость, сила духа’¹³, вышеупомянутое $śraddhā$ ‘вера’. У остальных 13 композитов вполне конкретное значение ($nāmadhā$ ‘установитель имён’, $ratnadhā$ ‘податель богатств’; авест. $yaozđā$ ‘наделённый жизненной силой’). Ср. префигированные абстрактные имена: вышеупомянутые греческие $πρόσθη, πρόσθη$. Имеется 11 наречий с вторым элементом $-dhā$: $bahudhā, purudhā$ ‘много’, $katidhā$ ‘как часто?’ и т.д. Можно упомянуть также лит. $avi-dē$ ‘овечьё стойло’, $alū-dē$ ‘пивоварня’.

¹² По данным [45], засвидетельствовано 63 корневых и суффиксальных образования с различными степенями корня.

¹³ О композитах с $*-d^heh_1$ см. [46]: $medhā$ родственно авест. $mazdā$ ‘мудрый’. Тот же корень в греческом аористе $\acute{\epsilon}μαθον$ ‘я научился’ (< $*mn s-dheh_2-$).

¹¹ Можно упомянуть также гомеровское $\xi \nu \mu \beta \lambda \acute{\eta} \tau \eta \nu$ (3 du.) ‘они оба встретились, были встречены’ (Od. XXI:15) [36, с. 82]. В ряде изданий, однако, наличествует 3 pl. $\xi \nu \mu \beta \lambda \acute{\eta} \alpha \tau \circ$. Но нам важно, что вариант $\beta \lambda \eta -$ имеет непереходное значение.

Согласно Вакернагелю [43, с. 24], композиты с *-dhi* относятся к тому же корню (*apidhīn* ‘покрытие’ вин. п., RV, I 127:7); Г. Клингешмитт [44] рассматривает их как расширение с *-i*, как и лат. *orbis* < **Hor-d^hh₁i-*, где первый элемент сопоставим с др.-инд. *arā* ‘колёсная спица’. Однако можно видеть и в древнеиндийских, и в латинском имени слабую ступень вокализма (*-d^hh₁-*).

Существует и тематический вариант типа *τομός*, засвидетельствованный в вед. *nāmadhā-* (Атхарва-веда) ‘устанавливающий имена’ (прилагательное от упомянутого существительного *nāmadhā*¹⁴), лат. *acerbus* ‘горький’ (< *akri-dhh₁ós ‘остро-установленный’). Более спорно нахождение этой основы в лат. *foedus* ‘ужасный’, как это предполагают Водтко, Ирслингер, Шнайдер [45, с. 100]. Они выводят это прилагательное из *bhoi-dhh₁-ó; однако можно предположить и более простую основу **bhoid^h-*; ср. ц.-слав. *бъсъ*, где именно наличие **-d^h(^h)*- воспрепятствовало переходу **-s-* > **-x-*. Интересна идея тех же авторов о том, что и галльское *bardos* ‘певец’ (валл. *bardd*) содержит тот же корень: **g^urH-dhh₁ós-* ‘устанавливающий песнь’

В целом, греческое корневое имя, как и древнеиндийское, сохраняет все архаичные черты, свойственные этому классу: недифференцированность значений (имя деятеля/ имя действия), полная ступень корневого вокализма. И первичные тематические производные тоже имеются.

В латыни есть корневое имя в качестве второго элемента композита: **-fax*, реализующееся как *-fex*. Оно не архаично, в отличие от греческого и древнеиндийского, т.к. образовано от производной основы. Следовательно, в латинском корневые имена формировались от глаголов по аналогии с первичными: *dico*: *dix (*dicis causa* ‘чтобы показалось’) = *facio*: *x*; *x* = *fax. Известен 21 композит: *aedifex*, *opifex*, *pontifex* и т.д. Композиты обозначают деятеля, особенно профессию (*aedifex* ‘строитель’, *aurifex* ‘ювелир’). Согласно М. Бенедетти [47], только *arti-*, *auri-*, *carni-*, *opi-* и *pontifex* засвидетельствованы в древнейших текстах. Этимология последнего имени не вполне ясна: связь ‘дороги, моста’ со ‘жрецом’ не очевидна. Высказывалось много предположений, слабо мотивированных формально или семантически (*ponti-* ~ авест. *spənta* ‘святой’ < **suənt-*, ц.-слав. *свѣтъ*, ~ греч. *πέμπω* ‘посылать’ и т.д.) По мнению М. Бенедетти, этимология ‘дорожный мастер’ вероятна; она может отражать архаические ритуалы.

¹⁴ *yó devānāṃ nāmadhā éka evá tāṃ sampraśnám bhūvanā yanti anyā* (X 82:3) ‘Кто для богов имён установитель, к тому живые существа идут для вопроса’

Таким образом, корень **d^heh₁* сохранил как морфологические, так и семантические архаизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bader F. Les forms du parfait redouble en grec. BSL, 1968. V. 73. (In French)
2. Duhoux Y. Le verb grecque. Leuven, 2000. (In French)
3. Sturtevant E. The Greek k-Perfect and Indo-European *-ko-*. Language, 1940. V. 16.
4. Cowgill W. Evidences of Greek. Winter W. (ed.) Evidences of laryngeals. Hague, 1965 (Reprinted in: Cowgill W. Collected works of Warren Cowgill. Ann Arbor, 2006).
5. Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. Copenhagen, 1941. (In German)
6. Van Windekens A. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976. (In French)
7. Beekes R.S.P. The development of Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. Hague: Mouton, 1969.
8. Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989. (In German)
9. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика. М., 2008. [Nikolaeva, T.M. *Neparadigmatische lingvistika* [Non-Paradigmatic Linguistics]. Moscow, 2008. (In Russ.)]
10. Kretschmer P. Die objective Konjugation im Indogermanischen. Wien, 1949. (In German)
11. Lexikon der indogermanischen Verben. Hgg. H. Rix. Wiesbaden, 1998. (In German)
12. Specht F. Zur Geschichte der Verbalklasse auf *ē*. KZ, 1935. Bd. 62. (In German)
13. Степанова З.П. Ареал распространения глаголов на *-ē-* в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1965. № 4. [Stepanova, Z.P. *Areal rasprostraneniya glagolov na -ē- v indoevropejskikh yazykah* [The Area of Distribution of Verbs on *-ē-* in Indo-European Languages]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1965, No. 4. (In Russ.)]
14. Трубачёв О.Н. “Молчать” и “таять”: О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. [Trubachyov, O.N. “*Molchat*” i “*tayat*”: *O neobhodimosti semasiologicheskogo slovaryā novogo tipa* [“Molchat” i “Tayat” ‘Be Silent and Melt’: On the Need for a Semasiological Dictionary of a New Type]. *Problemy indoevropejskogo yazykoznanija* [Problems of Indo-European Linguistics]. Moscow, 1964. (In Russ.)]

15. *Jasanoff J.* The Germanic 3d weak class. *Language*, 1973. V. 49.
16. *Rasmussen J.E.* The Slavic *i*-verbs with an excursus on the Indo-European *e*-verbs. *Comparative-Historical Linguistics: Indo-European and Finno-Ugric: Papers in honour Oswald Szemerényi*. Ed. B. Brogyani, R. Lipp. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
17. *Фортуатов Ф.Ф.* Критический разбор сочинения Г.К. Ульянова “Значение глагольных основ в литовском и славянском, Т. 1 – 1891 г., т. 2 – 1895 г.” // Известия Императорской Академии наук. 1897. [Fortunatov, F.F. *Kriticheskij razbor sochineniya G.K. Ulyanova “Znachenie glagolnyh osnov v litovskom i slavyanskom, T. 1 – 1891 g., t. 2 – 1895 g.”*] [Critical Analysis of G.K. Ulyanov’s Essay “The Meaning of Verbal Bases in Lithuanian and Slavic, Vol. 1 – 1891, Vol. 2 – 1895”]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Imperial Academy of Sciences]. 1897. (In Russ.)]
18. *Vetter E.* Handbuch der italischen Dialekten. Heidelberg, 1953. (In German)
19. *Lejeune M.* Les correspondences italiques de lat. *finxit* et de lat. *fēcit*. *Corolla linguistica: Festschrift für Ferdinand Sommer*. Wiesbaden, 1955. (In French)
20. *Justus C.* English ‘have: heave’, an archaic paradigm. *Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова [Yazyk i kultura: Fakty i cennosti. K 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture: Facts and Values. Yury S. Stepanov’s 70th jubilee dedicated]. Moscow, 2001. (In Engl.)]
21. *Beringuer Sanchez J., Luján Martínez E.* Falisco faced y el perfecto de **dheH₁-k-* ‘hacer’ en las lenguas itálicas. *Emerita*, 2005. V. 73. (In Spanish)
22. *Manchini M.* Il preterito laiono tra continuità a discontinuità: *facio fēcī fefaced*. A. Ancilotti, A. Calderini (eds.) *L’umbro e le alter lingue dell’ Italia mediana antica*. Perugia, 2009. (In Ital.)
23. *Krasuchin K.G.* Der Konjunktiv aus historischer und typologischer Sicht. *Sprachgeschichte und Typologie*. Hgg. Michail Kotin, Elisaveta Kotorova. Heidelberg: Carl Winter, 2011. (In German)
24. *Meillet A.* Caractere secondaire du type thématique indo-européen. *BSL*, 1931, v. 32. (In French)
25. *Meiser G.* Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998. (In German)
26. *Benveniste E.* Les forms sigmatiques du verbe latin. *BSL*, 1923. V. 28. (In French)
27. *Kuiper F.B.J.* Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia. *Acta Orientalia*, 1934. V. 12. (In German)
28. *Rix H.* Zur Entstehung der indogermanischen Modi. Innsbruck, 1986. (In German)
29. *Insler S.* Sanskrit *īpsāti* and *irṣāti*. *Indogermanische Forschungen*, 1968, Bd. 63.
30. *Simone de C.* Falisco faced – latino arcaico *vhevvhaked*: la genuinita della fibula prenestina e problemi connessi. *Incontri linguistici*, 2006. V. 29. (In Ital.)
31. *Kølln H.* The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. København, 1969.
32. *Степанов Ю.С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза // IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978. [Stepanov, Yu.S. *Slavyanskij glagolnyj vid i baltijskaya diateza* [Slavic Verb Aspect and Baltic Diathesis]. *IX Mezhdunarodnyj sjezd slavistov: Doklady sovetsoj delegacii* [IX International Congress of Slavists: Reports of Soviet Delegation]. Moscow, 1978. (In Russ.)]
33. *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989. [Stepanov, Yu.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [The Indo-European Sentence]. Moscow, 1989. (In Russ.)]
34. *Krasukhin K.G.* The Indo-European aspect-tense system and quantitative ablaut. *Internal reconstruction: Selected papers of XVI ICHL*. Ed. J.E. Rasmussen, Th. Olander. Copenhagen: Museum Tusulanum, 2009.
35. *Красухин К.Г.* Балто-славянская глагольная диатеза в свете учения Г.К. Ульянова и Ф.Ф. Фортуатова // Вестник Петрозаводского университета. 2020. Т. 42. № 5. [Krasukhin, K.G. *Balto-slavyanskaya glagolnaya diateza v svete ucheniya G.K. Ulyanova i F.F. Fortunatova* [The Verbal Diathesis in Baltic and Slavic Languages in the Light of the Doctrine of Grigory K. Ulyanov and Philipp Th. Fortunatov]. *Vestnik Petrozavodskogo universiteta* [Bulletin of Petrozavodsk University, Series of Humanities]. 2020, Vol. 42, No. 5. (In Russ.)]
36. *Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1897. Bd. IV. (In German)
37. *Lindeman F.O.* Bemerkungen zu den Aoristen *ἔβαλεν ἔζελεν*. *Indogermanische Forschungen*, 1971. Bd 76. (In German)
38. *Красухин К.Г.* Внутренняя реконструкция, относительная хронология и развитие общеиндоевропейского ударения (пять периодов индоевропейской акцентуации) // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. М.: МГУ, 2004. [Krasuhin, K.G. *Vnutrennyaya rekonstrukciya, otnositelnaya hronologiya i razvitie obshcheindoevropskogo udareniya (pyat’ periodov indoevropskoj akcentuacii)* [The Internal Reconstruction, Relative Chronology, and Development of Indo-European Stress (Five Periods of Indo-European Accentuation)]. *Sravnitelno-istoricheskoe issledovanie yazykov: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Historic and Comparative Research of Languages: Contemporary State of Affairs and Perspectives]. Moscow, MGU Publ., 2004. (In Russ.)]

39. *Schindler J.* Die Wurzelnomina im Altgriechischen und Altindischen. Würzburg, 1972. (In German)
40. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1972. (In German)
41. *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grec. Paris, 1968–1980. (In French)
42. *Beekes R.S.P.* The etymological dictionary of Greek. Leiden, 2007.
43. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Leipzig, 1921. (In German)
44. *Klingenschmitt G.* Die lateinische Nominalflexion. Latein und Indogermanisch. Hgg. N. Kritsch, O. Panagl. Innsbruck, 1982. (In German)
45. *Wodtko D., Irslinger B., Schneider K.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008. (In German)
46. *Meier-Brügger M.* Zur idg. Sekundärwurzel *s_ued^h(h₁)-/*s_uēd^h(h₁)-. Clackson J., Olsen B.A. (eds.) Indo-European Word Formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen October 20th–22nd 2000. Copenhagen, 2004. (In German)
47. *Benedetti M.* I composti radicali latini. Pisa, 1988. (In Ital.)

*Дата поступления материала в редакцию: 04 октября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 ноября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.*

*Received by Editor on October 04, 2021
Revised on November 12, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022*